

ботнику Семену мы увидели в нежном поэте, порхающем с цветка на цветок, расчетливого хозяина, солидного bourgeois и мелкого человека... Такова должна быть непременно изнанка каждого поэта, воспевающего „шепот, робкое дыханье, трели соловья“», — с обычным своим напором изобличал Фета Писарев¹. Но, кроме немногочисленных близких людей, не нашлось желающих выслушать и понять его позицию. В экстремальные эпохи, эпохи всеобщего опьянения, трезвые голоса обычно вызывают раздражение.

Очерки Фета не эмпиричны, а программны². Он не оглядывается назад, на крепостное прошлое («Крепостное право воспитало идеал тунеядства и систематически убило личный почин»³). Он ведет хозяйство на новых условиях, пытается найти способ примирения интересов нового землевладельца и нового вольного мужика. Он радеет за уважение к закону, за народное образование (главным образом — сельскими батюшками), подробно и со вкусом расписывает систему мелких штрафов нерадивых работников и ее воспитательное значение (отношения его с работником Семеном и стали главным предметом насмешек). Он надеется прежде всего на среднего землевладельца (как настоящее) и будущего крестьянина-фермера, на появление в деревне машин и технических усовершенствований. Он не торопится, отводя России для изменений не годы, не десятилетия — столетия. «Действительно, при благоприятнейших условиях к умножению народонаселения и у нас лет через 500, может быть, вырастет борода пролетариата. Но что тогда будет, никто не знает; а если тогда будут журналы, то они на досуге побеседуют об этом предмете»⁴.

Но торопилась история, крайние силы переходили к открытой борьбе, и Фет чем дальше, тем больше становится раздражительнее, с энтузиазмом ругает уже не только литературу, но и стриженных нигилистов, и тех, кто им потвор-

ствует, и университеты, и всю сложившуюся систему народного образования.

Какое историческое событие вызывает в вас наибольшее сочувствие?

— Отмена революции Наполеоном I и казнь Пугачева.

Между тем дела шли своим чередом, Фет оказался прекрасным хозяином: деятельным, жестким, предусмотрительным. Уже через четыре года после покупки Степановки сосед и родственник Борисов завистливо вздохнет: «Хлеб у нас нипочем, и денег добыть трудно. А впрочем, по правде говоря, у кого же когда, кроме Фета, во всей нашей стороне и бывали когда капиталы»¹.

Росло не только состояние, но и авторитет помещика-фермера. В 1866 году Фета избирают земским гласным и секретарем земского собрания, в следующем году — мировым судьей. В течение десятилетия он судит и милует, устанавливает справедливость в своем околке (рассказу о судебной деятельности в его воспоминаниях отведено больше места, чем процессу сочинения стихов).

В 1873 году свершилось наконец то, к чему Фет стремился всю жизнь. После подачи очередного прошения по императорскому указу ему возвращают фамилию Шеншина. Через три года, словно для того чтобы подчеркнуть новый социальный статус, Фет продает созданную своим трудом Степановку и покупает в Щигровском уезде Курской губернии Воробьевку, старинное поместье с громадным домом и парком на высоком берегу реки.

Почти детские радость и самодовольство Фета по поводу хозяйственных и общественных успехов старые литературные друзья-приятели не разделяли и не понимали. Ведущийся с давних времен бесконечный спор с Тургеневым о роли ума и вдохновения в искусстве («Врагу моему Фету», — написал одну из книг автор «Записок охотника») переходит в иную плоскость, перерастает в открытое столкновение и приводит в 1874 году к разрыву отношений.

«Признаюсь, я не вижу, что может быть общего между мною и мировым

¹ Писарев Д. И. Соч. в 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 95—96.

² Наиболее подробно и объективно представил проблематику очерков Фета А. Тархов, определив его мировоззрение как «консервативное почвенничество». См.: Фет А. А. Соч. Т. 2. С. 369—380.

³ «Русский вестник». 1882, № 2. С. 488.

⁴ «Русский вестник». 1862, № 5. С. 270.

¹ Письмо И. С. Тургеневу от 6 декабря 1864 г. // Тургеневский сборник. Т. 5. С. 397.